

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 37.018.761

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-6-7-17

МЕТАМОРФОЗЫ ВОСПИТАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Тамара Петровна Матяш

*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
tamara.matiash@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 380260, SPIN-код: 9593-5513*

Аннотация. *Актуальность темы.* Цели, методы, средства ориентированного на разумность процесса традиционного воспитания обнаружили слабую коррелятивность ценностям, доминирующим в информационном обществе, что не нашло широкого обсуждения в современной философской мысли.

Цель исследования состоит в рассмотрении доминирующих в информационном обществе ценностей, в обосновании неизбежности вызова с их стороны традиционному воспитательному процессу, в проектировании тактик воспитания, коррелятивных информационному обществу и его ценностям.

Методологическую базу исследования составили методы социально-философского анализа, в частности системный подход и метод социально-исторических параллелей, а также общеполитические методы интерпретации, обобщения, абстрагирования, анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения.

Результаты исследования: обосновано, что цели, методы и средства процесса воспитания коррелятивны существующему в обществе отношению к ценностям разумности и спонтанности; показано, что в информационном обществе произошел окончательный выход спонтанности из-под гнета рациональности, и объяснено, почему это привело к бессмысливанию ориентированного на ценность разумности традиционного воспитания и его главных компонентов — послушания и запрета; проинтерпретированы мысли Ф. Ницше, Ортега-и-Гассета, свящ. П. Флоренского, согласно которым спонтанность (титаническое, по определению свящ. П. Флоренского) — это природа человека, источник мощи и энергии всякой его деятельности, как стихийно-разрушительной, так и разумно-созидательной; обосновано, что воспитательный процесс в ситуации доминирования спонтанного (титанического) требует разработки особой тактики перенаправления титанического к разумно-созидательной деятельности, сопряженной с деланием добра; проанализированы предложенные свящ. П. Флоренским религиозные тактики такого перенаправления; показано, что в истории советского общества успешно была реализована программа воспитания, использующая нерелигиозную тактику направления спонтанности к созидательной деятельности.

Перспективы исследования состоят в дальнейшем изучении возможных средств и методов процесса воспитания, учитывающего спонтанную составляющую человеческой сущности.

Ключевые слова: воспитание, интеллектуальная креативность, спонтанность, информационное общество, традиция, свобода

Для цитирования: Матяш Т.П. Метаморфозы воспитания в информационном обществе: социально-философский анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 7–17. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-7-17>.

Original article

METAMORPHOSES OF EDUCATION IN THE INFORMATION SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tamara P. Matyash

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

tamara.matiash@yandex.ru, AuthorID RSCI: 380260, SPIN-code: 9593-5513

Abstract. Objective of the study. *The goals, methods, means of the rationality-oriented process of traditional education have found a weak correlation with the values that dominate in the information society, which has not been widely discussed in modern philosophical thought.*

The purpose of the study *is to consider the values dominant in the information society, to justify the inevitability of their challenge to the traditional educational process, to design education tactics that are correlative to the information society and its values*

The methodological basis of the study *was the methods of socio-philosophical analysis, in particular, the systematic approach and the method of socio-historical parallels, as well as general philosophical methods of interpretation, generalization, abstraction, analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, is the methods of reconstruction and hermeneutic interpretation of historical and philosophical texts, as well as such generally accepted methods of theoretical research as abstraction, analysis and synthesis, comparison, idealization.*

Results of the study: *it is substantiated that the goals, methods and means of the upbringing process are correlative with the attitude towards the values of rationality and spontaneity existing in society; it is shown that in the information society there was a final exit of spontaneity from under the yoke of rationality, and it is explained why this led to the meaninglessness of traditional education oriented towards the value of rationality and its main components — obedience and prohibition; the thoughts of F. Nietzsche, Ortega y Gasset, Fr. P. Florensky, according to which spontaneity (titanic, according to the definition of priest P. Florensky) is the nature of man, the source of power and energy of any of its activities, both spontaneously destructive and intelligently creative; it is substantiated that the educational process in a situation of dominance of the spontaneous (titanic) requires the development of special tactics for redirecting the titanic to rational and creative activity associated with doing good; the religious tactics of such redirection proposed by Priest P. Florensky are analyzed; it is shown that in the history of Soviet society, an program upbringing was successfully implemented using non-religious tactics of directions of spontaneity to creative activity.*

Prospects of the study *are further study of possible means and methods of the program upbringing, taking into account the spontaneous component of human essence.*

Keywords: *upbringing, intellectual creativity, spontaneity, information society, tradition, freedom*

For citation: *Matyash T. P. Metamorphoses of education in the information society: socio-philosophical analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(6): 7–17. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-7-17>.*

Introduction. В сформировавшемся в 60–90-е годы XX века информационном обществе, по словам Ф. Фукуямы, «единственной ценностью, объединяющей людей, является ценность индивидуализма как такового» [16, с. 13, 17]. Другими словами, индивидуально-личное обрело абсолютное превосходство над общественным, всеобщим, что свидетельствовало о полной либерализации общества. Признание индивидуализма единственной ценностью в обществе не могло не отразиться на целях и средствах воспитания, сущности семьи и её роли в процессе воспитания. До признания индивидуализма главной ценностью воспитание понималось как сознательно планируемое интеллектуальное, эстетическое и нравственное влияние на личность ребенка (и любого человека вообще) [1] с целью социализации, то есть интегрирования в социальную среду путем усвоения личностью неких общих социальных норм, правил, ценностей, системы запретов. Цели процесса воспитания и его средства были коррелятивны существующему общественному порядку, признающему ценность некоего всеобщего разума и базирующемуся на освященных им интеллектуальных, морально-нравственных и эстетических традициях¹, что обеспечивало более или менее стабильное существование социальных сообществ и культур в течение долгого времени.

В Средние века, когда люди жили в мире традиций и обычаев, для них не существовало самого понятия «традиция», так как для формирования этого понятия, то есть превращения традиции в предмет рассмотрения, надо было выйти за её пределы. В Европе по-

нятие «традиция» стало употребляться только в Новое время, но уже в XVIII веке оно приобрело «дурную репутацию», например, у философов-просветителей, отождествивших морально-нравственные традиции с догмами и невежеством. Достаточно вспомнить, что именно в этом веке И. Кант призывал людей иметь мужество отказаться от всех авторитетов в морально-интеллектуальной сфере, отменить церковный и государственный патернализм и дать людям свободу опираться в принятии любых решений только на собственный ум [6, с. 29–37]. Это был, по сути, призыв отказаться от традиции господства в обществе патернализма католической Церкви. Такой призыв И. Канта вполне объясним, так как будучи протестантом, он защищал присущие протестантизму установки на признание ценности индивидуализма, свободы личного ума, личного сознания.

Не испытавшие влияния протестантизма русские философы не поддерживали кантовского пафоса автономизации личного ума. Так, С.Н. Трубецкой писал, что «человеческое сознание не есть мое личное отправление только», и «если из нашего индивидуального сознания удалить живую связь с другими сознаниями, как предшествовавшими, так и существующими, если удалить из нашего индивидуального сознания совокупность всего унаследованного, всего внушенного и внушаемого нам, то оно лишится и формы, и содержания, обратится в ничто» [14, с. 564].

Воспитание, базирующееся на традициях, признающих разум главным достоянием человека, мы будем называть традиционным². Его суть и цель четко сформулировал И. А. Ильин.

¹ Лингвистически слово «традиция» восходит к латинскому понятию «trader», что означало «передавать, отдать что-то другому на хранение», поэтому «первоначально понятие “trader” употреблялось в римском праве применительно к законодательству о наследстве. Считалось, что собственность, переходившая от отца к детям, как бы “сдавалась на хранение” — наследник обязан был её беречь и умножать» [2, с. 55–56].

² Русское слово «вос-питание» двусоставное: приставка «вос-» придает словам определённые смыслы, одним из которых является начало действия (например, воссоздание) и его направленность вверх (например, восхождение) [4]. Слово же «питание» имеет два смысла: физиологический, означающий усвоение телесным организмом необходимых для его поддержания веществ, и духовный, означающий усвоение умом, душой и сердцем человека истинных, т.е. непреходящих, базирующихся на христианской вере идеалов и ценностей жизни. Другими словами, традиционное воспитание понималось как восхождение к Богу, привитие ребенку безусловной уверенности, что за все надо благодарить Бога.

В воспитании, как писал он, ребёнок должен получить «доступ ко всем сферам духовного опыта, чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни, чтобы его сердце... научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях» [3, с. 207]. Кстати, реализацию именно этой цели воспитания преследовала внедряемая в 1833 году в систему российского общественного образования формула графа С.С. Уварова «Православие Самодержавие. Народность». Следование этой формуле, как считал он, будет способствовать приведению в соответствие народного воспитания и порядка вещей в русском обществе, базирующегося на любви к самодержавию, которое С.С. Уваров отождествлял с Отечеством³.

Интересно отметить, что воспитание в советскую эпоху по своей форме можно отнести к традиционному, так как оно было ориентировано на усвоение воспитуемыми с помощью разума социально-политических, культурно-эстетических и иных норм и принципов, доминирующих в советском обществе. Конечно, советское воспитание базировалось на соответствующих ему традициях: вера в Бога была замещена верой в коммунизм, обставленной соответствующей символикой, часто масонской и языческой. Старшему поколению памятно, например, такие символы, как звезда, серп и молот, обязательные пионерские костры, напоминающие языческий жертвенный огонь. Существует даже миф, что в первые годы советской власти всерьёз обсуждался вопрос о создании некоей новой троицы взамен христианской Троицы. Эту новую троицу должны были составить Маркс, Энгельс, Ленин. Система советского воспитания имела целью сформировать деятельного строителя коммунизма, кодекс которого был своеобразной светской калькой Декалога. Строитель коммунизма мыслился как человек разумный и в моральном плане честный, совестливый, трудолюбивый, гуманистически ориентированный. Формирование этих качеств, будучи целью советского воспитания, пронизывало все этапы

гражданского и нравственного взросления советского человека. К таким этапам относилось участие в движении октябрят, пионеров, комсомольцев. Родители, как правило, также проходили эти этапы гражданского и нравственного взросления, а потому разночтения между ценностями, разделяемыми детьми и их родителями, если и были, то, как правило, они не затрагивали фундаментальных ценностей советского общества⁴.

Methodological Framework. Системный подход позволил показать, что процесс воспитания, его цели и методы не могут формироваться независимо от существующих в обществе ценностей, а потому с изменением ценностных ориентаций в обществе процесс воспитания изменяет свои характеристики, функции и принципы. Другими словами, системный подход использовался для обоснования того факта, что источник преобразований процесса воспитания, его функций и принципов находится в обществе как некоей целостной системе. При рассмотрении процесса воспитания как элемента целостной социальной системы системный подход дополнялся общеполитическими методами анализа и синтеза, дедукции и индукции, обобщения, сравнения. При сопоставлении обобщенного прежнего исторического опыта процесса воспитания, его целей и методов с требованиями к процессу воспитания в информационном обществе использовался метод социально-исторических параллелей (сравнительно-исторический метод). Методы реконструкции и герменевтической интерпретации историко-политических текстов, касающихся изучаемых в статье проблем, позволили выявить влияние сложившегося в информационном обществе соотношения разумности и спонтанности на сущность процесса воспитания, его принципов и методов.

Discussions and results. Несмотря на приоритетность традиционного воспитания в дореволюционной России, в среде русской либеральной интеллигенции уже появлялись первые случаи разрушения традиционного

3 Правда, к формуле С.С. Уварова скептически отнеслись даже славянофилы [17].

4 По сути, большевики осуществили мечту К.Н. Леонтьева: они «подморозили» Россию, затормозили процесс либерализации российского общества, сохранив тем самым традиционное воспитание по форме, но с изменённым содержанием.

воспитания в либеральных семьях. В.В. Розанов фиксировал, что либеральные по своему мировоззрению родители «не имеют влияния на своих детей» и «настоящей, истинной связи между родителями и детьми не устанавливается, и даже очень часто наблюдается более или менее скрытая враждебность», что не свойственно традиционному воспитанию [13, с. 619–620]. Причину потери либеральными родителями влияния на своих детей В.В. Розанов показал на примере личного опыта общения с одним из чиновников, служившим в департаменте либерального министерства 35 лет и получившим огромную по тем временам пенсию в 2000 рублей. Этот уже старый, слабый, седой либерал за чашкой чая откровенно признавался, что «испытывает отвращение к правительству, но в силу своей немощи не может присоединиться к молодёжному реальному протесту. Потому сделал то, что в его силах: перешел в протестантскую церковь, в которой, по его словам, вероисповедание во многом здоровымысленнее, чем в нашем». «Мы все, — пишет В.В. Розанов, — молчали, потупив глаза. “А пенсия?”. Но можно ли было это сказать в глаза» [13, с. 619–620]. Очевидно, что этот пожилой либерал, тайно ненавидящий общественный порядок в России и не проникнутый истинным христианским мировоззрением, был потенциальным противником традиционного воспитания. Отсутствие у либералов истинного христианского мировоззрения оборачивалось, как показал В.В. Розанов, разрушением между ними и их детьми душевной связи, которая составляет базис традиционного воспитания. Разрушение этой связи выразилось в появлении в русском обществе моды передавать заботы о детях прислуге, гувернерам, как правило, из иностранцев, учебным заведениям и т.д.⁵ Упадок христианского истинного мировоззрения способствовал проникновению в русское общество западной либеральной идеи свободы, и русские либералы стали считать смешным и нелепым наказ патриархальной семьи детям: «Не сходи с лестницы своего дома —

там зло». Далее дома зло уже потому, что дальше — равнодушие [13, с. 52]. И все же либеральные семьи и либеральное воспитание были в России времен В.В. Розанова еще достаточно эксклюзивными явлениями.

Глобализация ценности либеральной семьи и либерального воспитания произошла в сформировавшемся в 60–90-е годы XX века информационном обществе, в котором стала преобладать ориентация на индивидуализм и свободу личного волеизъявления. В таком обществе название «семья» сохранилось, хотя, как пишет, например, Э. Гидденс, семья стала «институтом-пустышкой», трансформировавшись в понятие «пара». Жизнь «пары» стала ядром отношений между людьми, что способствовало разрушению прежней иерархической структуры семьи, состоящей из детей, родителей, бабушек, дедушек и других родственников. Основой для образования «пары» является секс, который отделился от задачи деторождения и обрел статус самодостаточного основания для совместного проживания. Но, как отмечает Э. Гидденс, «когда секс лишен “сверхзадачи” деторождения, в нем перестает господствовать только гетеросексуальность» [2, с. 72–74]. «Пары» строят жизнь на демократических началах, на равенстве прав мужчины и женщины, детей и родителей⁶, а потому власть родителей над детьми теперь «должна основываться на неписанном соглашении» между ними. И если в традиционных семьях, как пишет тот же Э. Гидденс, у детей не было прав, а потому их «должно быть “видно”, но не должно быть “слышно”», то в современных семьях голос и требования детей являются не оспариваемыми. Требования ребенка, его желания родители теперь должны выполнять без всяких контраргументов, ибо каждый индивид имеет непреложное, то есть бесспорное, никем не могущее быть оспариваемым, право на собственный взгляд и суждение по любому вопросу. Дети в обществе доминирования индивидуализма как главной ценности могут не только не соглашаться с мнением родителей, но и дерзить им, встречая с большим не-

⁵ Кстати, мода воспитывать детей, в частности девочек, в монастырях, т.е. вне семьи, существовала уже и в высших кругах европейского католического общества, что осуждал И.В. Киреевский. Он считал, что в монастырях девочки приобретали опыт салонной учтивости, а не опыт христианской семейной жизни [5, с. 202].

⁶ Равноправие детей и родителей не распространяется на материальные отношения.

годованием морализаторство со стороны родителей и других взрослых людей [16]. «Вероятно, — замечает Э. Гидденс, — многие родители, доведенные до отчаяния бунтарским нравом своих детей, от всей души желали бы возродить прежнее правило подчинения детей родителям. Но его уже не вернуть» [2, с. 78]. Предвидя, чем обернется для семьи и воспитания молодежи господство свободы личного волеизъявления, В. В. Розанов писал, что свобода «есть просто пустота, простор»; хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру» [13, с. 590]. Распространение принципа свободы на процесс воспитания разрушает гармонию и порядок в отношениях между родителями и детьми, т.е. разрушает традиционную семью. Безграничная свобода индивида ведет, как считал В. В. Розанов, к «хлябанью», к отрицанию христианского «Да будет воля Твоя, Господи!», к непризнанию того, что «есть метафизическое тяготение мира к “крепкому обхвату”. В “крепком обхвате” держит Бог мир...», и «узок путь» человека [13, с. 618–619]. По сути, убеждение в существовании метафизического, но без Бога, тяготения мира к крепкому обхвату было альфой и омегой традиционного воспитания даже в советском обществе.

Принцип ценности индивидуализма, развившийся в том, что человек стал осознавать себя неподвластным никому и ничему, породил не только новый смысл семьи, но и новую породу людей, в которую «вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе». Молодежь оказывается в плену собственных спонтанных мыслей и переживаний, первичного «жизненного мироощущения», в котором разум есть только «небольшой островок». Х. Ортега-и-Гассет называл эту породу людей «мятежной массой», которая воспринимает мир как «первозданный рай, где нет ни давних следов, ни давних проблем», а потому «угрожает тем основам, которым обязана жизнь» [12, с. 314–315]. Для этой «мятежной массы» традиционный воспитательный процесс, предполагающий восприятие молодым поколением некоей выработанной предыдущими поколениями системы морально-ра-

зумных навыков и запретов, ориентирующих молодое поколение на послушание и следование этим навыкам и запретам, стал попросту бессмысленен. Ф. Ницше еще в XIX веке почувствовал, что «настало время, когда “послушание” и “закон”, звучащие из всех моральных чувств, следует заменить “произволом” и “свободой”, которые могли бы стать еще, пожалуй, последним звучанием современной морали» [9, с. 736].

В обществе, в котором свободное личное волеизъявление индивида стало главной ценностью, молодежь искренне поверила, что она в себе самой имеет всю полноту мысли и духа и не нуждается в наставлениях отцов и дедов. Признание обществом непреложности права молодежи на собственное мнение Х. Ортега-и-Гассет называл «самобеднейшей чертой современности», ведущей к «закупорке» души и сознания молодежи, её «интеллектуальному герметизму» и «интеллектуальному варварству». «Герметизм сознания, — писал он, — блокирует понимание того, что мое “собственное мнение” не столь уж и собственное, что оно в своей претензии на самодостаточность представляет собой мешанину из чужих, часто не благодатных мыслей. Мышление претендующего на свое личное волеизъявление молодого человека зачастую есть просто словесный мусор, скопившийся в нем по воле случая»⁷ [12, с. 314–315]. Пребывая в состоянии «герметизма сознания», молодежь, как утверждал Х. Ортега-и-Гассет, признает последним и единственным доводом утверждения непреложности собственного мнения не аргументацию, не диалог, а «прямое действие» и даже насилие. Молодой человек «разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит сам в себе?». Для него естественно самому «судить, решать, изрекать приговор» [12, с. 321–323].

На «темные стороны» принципа безграничного свободного личностного волеизъявления, базирующегося на спонтанности, стали указывать и некоторые современные апологеты этого принципа. Так, Э. Гидденс, считая желанным для человека режим самостоятельных решений и свободного, по своей

⁷ Эти мысли Х. Ортега-и-Гассета созвучны мыслям русского философа С. Н. Трубецкого, о котором, конечно, испанский философ ничего не знал.

спонтанной воле, выбора привычек и образа жизни в любой сфере деятельности, будь то работа, физкультура, еда, секс и даже любовь, тем не менее, озабочен тем, что одновременно происходит формирование непреодолимой, схожей с наркотической, зависимости от выбранных сфер деятельности [2, с. 63]. Другими словами, индивид, выбирая по своей спонтанной воле привычки и образ жизни во всех сферах своей жизнедеятельности, формирует новые зависимости, а это значит, что идея безграничной свободы личного волеизъявления оказывается иллюзорной. Но этого вывода Э. Гидденс не сделал.

В ситуации «герметизма сознания» молодежь, как считал Х. Ортега-и-Гассет, может почерпнуть свои взгляды об оценке событий только из своей спонтанности, то есть из собственных побуждений, порожденных первичными жизненными мироощущениями, освобожденными от господства разума. Учитывая, что в Европе был осуществлен мощный «крестовый поход» против разума, обращение к спонтанности было вполне обоснованным. Спонтанность не надо воспитывать, ей не надо учиться. Спонтанность — это природа человека, и она неуничтожима. Об этом знал еще Сократ, который, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, понимал, что «то, что мы поистине собой представляем, — спонтанность». Отдавшись во власть спонтанности, новое поколение не находит ничего общего с предыдущим поколением, что не способствует устойчивости общества, стабильности социальных сообществ и культур [8, с. 92–107]. Еще Ф. Ницше понял, что в головах молодых людей, отдавшихся во власть спонтанности, «нет ничего, кроме личной морали», ориентированной «на произвол и свободу» [9, с. 736]. Поэтому-то, по его мнению, в юные годы «мы чтим и презираем», исходя их принципов личной морали. Но при этом Ф. Ницше предупреждал, что «нам по справедливости приходится потом жестоко платить за то, что мы таким образом набрасывались на людей и на вещи с безусловным утверждением и отрицанием. Юность есть сама по себе уже нечто искажающее и вводящее в обман [10, с. 266]. Может быть, Сократ, понимая пагубность для общественной стабильности господства разнузданной спонтанности, отвлек внимание

людей от неё, изобретя рациональность, которая на многие века заслонила неразумную спонтанность, подменила её разумом. Правда, со времен Сократа человек стал отождествляться с чистым разумом, каковым он, как писал Х. Ортега-и-Гассет, на самом деле не является. Ошибка Сократа, пусть даже и плодотворная, состояла в том, что он подчинил жизнь (спонтанность) чистому разуму, который на самом деле, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, есть лишь «небольшой островок в море первичной жизненности», т.е. спонтанности. Но, утверждая существование спонтанности, испанский философ подчеркивал, что спонтанность не отрицает разума, а умиряет его, лишает прав на верховную власть в жизни людей и общества [11, с. 4, 27–29].

В информационном обществе, признавшем главной ценностью индивидуальность, помноженную на критическое отношение к разуму, спонтанность высвободилась из-под гнета рациональности, обесмыслив тем самым начатые еще Сократом попытки возвысить рациональность и отодвинуть спонтанность в тень. Высвобождение спонтанности из-под гнета рациональности, бесспорно, трансформировало смысл процесса воспитания. Чтобы понять суть этой трансформации, обратимся к анализу феномена спонтанности, опираясь на работы свящ. П. Флоренского. Признавая вслед за Ф. Ницше спонтанность «началом дионисическим» и характеризуя это начало как «слепую, напирющую мощь, не знающую никакого удержу, не имеющую в себе смысла», свящ. П. Флоренский предпочитал называть это начало не дионисическим, а *титаническим*, то есть «из земли выросшим. Титаны — чада Земли». Титаническое «вечно алчет, вечно бунтует», в нем «нет смысла вообще, а потому оно восстаёт бессмысленно». «Существо *титанического* — в напоре, в борьбе против граней. Нахлынув, оно напирает, вздымается, бьется — о твердыни закона. В титаническом нет удержу изнутри, — а раз так, то бесполезен всякий удерж извне, — бесполезен, т.к. не успокоит, а только взволнует вечно-жидкую стихию титанического» [15, с. 132–134]. Другими словами, по мнению свящ. П. Флоренского, бессмысленную агрессивность титанического невозможно успокоить логи-

ческими доводами, обращением к смыслу. Именно титаническое активизирует ярость толпы, которая, как показывает история, успокаивается, только реализовав свою ярость в погромах и даже убийствах. Казалось бы, нужно искать способы саморазложения и гибели титанического. Но, как утверждал свящ. П. Флоренский, сделать это в принципе невозможно. На этой позиции стоял и Х. Ортега-и-Гассет, утверждавший «неуничтожимость» спонтанности. Но, если Х. Ортега-и-Гассет просто декларировал неуничтожимость спонтанности, то свящ. П. Флоренский объяснял эту неуничтожимость тем, что спонтанность (титаническое) есть природа человека, источник мощи и энергии всякой его деятельности. Именно «всякой»: как разрушительной, так и творчески-созидательной. «С умиранием титанического, — писал он, — умирает и человек, потому что лишается первого своего сокровища — мощи, творчества и жизни. Нельзя уничтожить начало мощи». Ведь это начало является началом не только буйной разрушительной стихийности, но и началом делания добра. Добро, как писал свящ. П. Флоренский, осуществляется той же стихийной силой — началом титаническим. Поэтому титаническое само в себе — не грех, «оно ведет ко греху» [15, с. 134].

Conclusion. Как направить бессмысленную агрессивную силу и мощь титанического к творческой созидательности, к деланию добра? С точки зрения традиционного воспитания, для этого надо придать титаническому мерность, ввести в некие границы, очерченные разумом. Деятельность ограничения, наложения определённых разумом границ, называют началом аполлонийским, которое собственно и лежит в основе традиционного воспитания. Именно это начало, как писал Ф. Ницше, ориентирует молодое поколение на «послушание» и «закон» [9, с. 736]. Но по отношению к титаническому аполлонийское начало беспомощно, так как титаническое воспринимает любую мер-

ность, границу, предел, как только «встречное же титаническое», как «безликую Мощь, ставшую поперек», а потому требующую преодоления и разрушения [15, с. 134]. Титаническое бессмысленно внутри себя, а потому не принимает смыслы извне. А это значит, что укротить титаническое, используя средства традиционного воспитания, базирующегося на аполлонийском начале, практически невозможно.

И все же, как утверждал свящ. П. Флоренский, созидательно-творческое делание осуществляется началом титаническим, повернутым в сторону добра, а не стихийного буйства. Поворот титанического к добру, как считал он, возможен в силу специфики природы человека. В своей первозданности человек — «не только тёмное хотение, но и светлый образ»; не только жизнь, которая в основе своей спонтанна, но и истина; «не только мощь, но и ум, не только плоть, но и дух» [15, с. 136]. Гармоничное единство в человеке мощи стихийно-спонтанного бытия и мощи бытия разумно-смыслового было разрушено грехопадением, что привело к распадению цельного человека на два начала, не приводимых с тех пор к единству⁸. Эти начала борются, но «ни одно нельзя подавить, ни одно нельзя истребить», ибо оба, как писал свящ. П. Флоренский, имеют свой исток в бесконечности Божественного. Борьба этих начал утихомирится, если внутренний мир человека будет представлять собою гармонию титанического и разумно-смыслового начал. Гармонии же не может быть там, где попрано либо одно, либо другое начало. Гармония может осуществиться только во взаимном признании этими началами безусловной правды — правды их богоподобной бесконечности. Только признав, что их абсолютные пределы не в них самих, а в Боге, «в Коем от века совмещена вся полнота реальности со всею полнотою смысла», эти начала могут прийти к гармонии [15, с. 136–137]. Другими словами, титаническое должно дойти до понимания своей связи с реальностью Абсолютной,

⁸ И отсюда, как писал свящ. П. Флоренский, «либо толстовствующий или иной морализм, который не видит стихийности, как существенной стороны человека, и потому всякий раз, когда она дает о себе знать, рассматривает её как досадную случайность, нарушающую чистоту моральных предначертаний, либо, напротив, розановский имморализм, ... видящий во всякой нравственной норме лишь пустое и вредное стеснение стихийности извне, чуждой самому человеку препоной». В итоге «и толстовство и розановство не признают существование первородного греха» [15, с. 139–140].

а не сиюминутной. К Абсолюту же может привести только акт веры [15, с. 140–143]. «Насадить или открыть в нас начало всего доброго, истинного, жизненного, стройно-прекрасного, на чем явно отпечатлена и успокаивается отеческая любовь Божия» — это значит преобразить нашу титаничность. На умягчение титанического начала человека ближайшем образом направлена Евхаристия [15, с. 148–149].

Итак, с точки зрения свящ. П. Флоренского, титаническое можно направить к деланию добра только путем обращения к религиозной вере, и другого пути нет. О том, что обращение к религиозной вере укрощает бессмысленную мощь титанического, способствует формированию гармонии титанического и разумно-смыслового начал, спорить невозможно. Но вот с утверждением, что нет другого пути превращения разрушительной мощи тиранического в созидательную мощь, поспорить можно.

Сошлемся на опыт воспитания в трудовой колонии А.С. Макаренко, который направил дикую стихийную спонтанность беспризорников, не поддающихся никаким разумным уговорам и нравственным поучениям, в том числе и религиозным, на общественно-полезные трудовые дела. Эти дела, приносящие зримые для беспризорников результаты, одновременно были процессом воспитания. Хорошо известно, что правильно организованное трудовое воспитание способствовало созданию из беспризорников трудового коллектива, который сам стал воспитывающей силой [7].

Спонтанность, или титаническое, как отмечали и Ф. Ницше, и Ортега-и-Гассет, особенно свойственно молодежи. Не случайно все нынешние «цветные» революции — это революции молодежные. Молодежь бунтует часто стихийно, по избытку титанических сил и мыслей. И мудро поступает общество и государство, перенаправляя присущее молодым устремление титанического к безумству разрушения и буйству к трудовым подвигам, как это было в СССР, где стихийное буйство и безудержная мощь спонтанности молодого поколения перенаправлялась на великие стройки. Спонтанность, титаническое не поддается традиционному воспитанию через моральные нравоучения и примеры нравственного поведения, которые, как пи-

сал свящ. П. Флоренский, не успокоят титаническое, а только «взволнуют» его «вечно-жидкую стихию». Мощь стихийного бытия титанического всегда требует выхода наружу. Но этот безудержный натиск титанического может быть осуществлен по-разному, то ли в форме бессмысленного бунта, безумного преступления, то ли в форме трудовых или даже военных подвигов, находящихся на стороне добра, а значит, имеющих воспитательное значение. Воспитание, имеющее целью перенаправить дикую стихию спонтанности на созидание и творчество, перестает быть делом только отдельных семей и становится делом всего общества, что в свою очередь предполагает снижение значимости либеральных ценностей в нем.

Список источников

1. Воспитание // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 607 с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика. 1993. 430 с.
4. Кириллова Г. Эта странная приставка вос- [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2010/10/30/405> (дата обращения: 10.08.2022).
5. Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. 661 с.
6. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант Иммануил. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 717 с.
7. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: ИТРК, 2003. 736 с.
8. Матяш Т. П. Поколения, спонтанность и социальные риски (постановка проблемы) // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. 2022. Вып. 3(35). С. 92–107.
9. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 831 с.
10. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 404 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.

13. Розанов В.В. Сочинения. Т. 2. Уединенное. М.: Правда, 1990. 710 с.

14. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 815 с.

15. Флоренский П., свящ. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.

16. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 474 с.

17. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Русская цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 576 с.

References

1. Vospitanie [Education]. Rossijskaja pedagogicheskaja jenciklopedija. V 2 t. T. 1 [Russian pedagogical Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1993. 607 p. (In Russ.).

2. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [The Elusive World. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir, 2004. 116 p. (In Russ.).

3. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [The path to evidence]. Moscow: Respublika. 1993. 430 p. (In Russ.).

4. Kirillova G. Jeta strannaja prstavka vos- [This strange prefix vos-] [Elektronnyj resurs]. Proza.ru. URL://https://proza.ru/2010/10/30/405 (data obrashhenija: 10.08.2022). (In Russ.).

5. Kireevskij I.V. Razum na puti k istine [Reason on the way to truth]. Moscow: Pravilo very, 2002. 661 p. (In Russ.).

6. Kant I. Otvet na vopros: Chto takoe prosveshhenie? [The answer to the question: What is enlightenment?]. Kant Immanuel. Sbranie sochinenij v 8 t. T. 8 [Collected works in 8 vols. Vol. 8]. Moscow: Choro, 1994. 717 p. (In Russ.).

7. Makarenko A.S. Pedagogicheskaja poema [Pedagogical poem]. Moscow: ITRK, 2003. 736 p. (In Russ.).

8. Matjash T.P. Pokolenija, spontannost' i social'nye riski (postanovka problemy) [Generations, spontaneity and social risks (problem statement)]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyj recenziruemyj zhurnal [Nauka. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal]*. 2022; 3(35): 92–107. (In Russ.).

9. Nicshe F. Sochinenija v 2 t. T. 1 [Essays in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990. 831 p. (In Russ.).

10. Nicshe F. Sochinenija v 2 t. T. 2 [Essays in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990. 829 p. (In Russ.).

11. Ortega-i-Gasset H. Chto takoe filosofija? [What is philosophy?]. Moscow: Nauka, 1991. 404 p. (In Russ.).

12. Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 586 p. (In Russ.).

13. Rozanov V.V. Sochinenija. T. 2. Uedinennoe [Essays. Vol. 2. Solitary]. Moscow: Pravda, 1990. 710 p. (In Russ.).

14. Trubeckoj S.N. Sochinenija [Essays]. Moscow: Mysl', 1994. 815 p. (In Russ.).

15. Florenskij P., svjashh. Sbranie sochinenij. Filosofija kul'ta (opyt pravoslavnoj antropologii) [Collected works. The philosophy of the cult (the experience of Orthodox anthropology)]. Moscow: Mysl', 2004. 685 p. (In Russ.).

16. Fukujama F. Velikij razryv [The Great Gap]. Moscow: AST, 2003. 474 p. (In Russ.).

17. Homjakov D.A. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'. Russkaja civilizacija [Orthodoxy. Autocracy. Nationality. Russian civilization]. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2011. 576 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted on 08.11.2022; approved after reviewing on 22.11.2022; accepted for publication on 16.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матяш Тамара Петровна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра научных компетенций, Донской государственной технической университет. Специалист в области исследования онтологии, философии науки, философской антропологии, теории и истории культуры.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Автомобильный, 32, кв. 134

Tamara P. Matyash — Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Center for Scientific Competencies, Don State technical University. Specialist in the field of ontology, philosophy of science, philosophical anthropology, theory and history of culture.

32 Avtomobilny ln., app. 134, Rostov-on-Don, Russia
